

ЮРИЙ ДРОЗДОВ

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия)

Александр Бондаренко

Юрий Дроздов

«ВЕБКНИГА»

2020

Бондаренко А. Ю.

Юрий Дроздов / А. Ю. Бондаренко — «ВЕБКНИГА»,
2020 — (Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия))

ISBN 978-5-235-04652-8

Генерал-майор Юрий Иванович Дроздов (1925–2017) вошёл в историю прежде всего как руководитель нелегальной разведки – легендарного и таинственного Управления «С» Первого главного управления КГБ СССР. На эту должность он пришёл «громко», под автоматно-пулемётные очереди и разрывы гранат, потому как первой операцией, которой он руководил, был штурм президентского дворца в столице Афганистана Кабуле 27 декабря 1979 года. Но почему именно начальник нелегальной разведки возглавил боевую операцию? И почему он сам вычеркнул свою фамилию из списка участников штурма, представленных к званию Героя Советского Союза? Ответы на эти и ряд других вопросов читатель найдёт в этой книге. В ней на основе воспоминаний соратников Юрия Ивановича, его самого и некоторых рассекреченных документов подробно рассказывается о интереснейшей жизни разведчика: участии в Великой Отечественной войне, сорокалетней службе в разведке, руководстве Управлением «С», создании легендарного «Вымпела», а затем – независимого аналитического агентства «НАМАКОН».

ISBN 978-5-235-04652-8

© Бондаренко А. Ю., 2020

© ВЕБКНИГА, 2020

Содержание

К читателю	6
Глава 1. Всё впереди	10
Глава 2. Война лейтенанта Дроздова	22
Глава 3. Разведчиками не рождаются	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Бондаренко Юрий Дроздов. Начальник нелегальной разведки

*20 декабря 2020 года – 100 лет Службе внешней разведки
Российской Федерации*

*Светлой памяти моего отца – Юлия Петровича Бондаренко,
который первым приоткрыл для меня удивительный и таинственный
мир разведки*

© Бондаренко А. Ю., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

К читателю

«Судьба Дроздова – это как непрочитанная и даже нераскрытая книга. Он очень недооценён – как руководством внешней разведки и властью нашей страны, так и нами, сотрудниками, людьми, которые работали и под его руководством, и рядом с ним. Но также и теми, кто когда-то им руководил, – сказал мне полковник Валерий Владимирович Попов, ветеран спецподразделения «Вымпел», один из друзей и сподвижников Юрия Ивановича. – Мне кажется, в его судьбе и характере осталось ещё очень много нераскрытого. Это был уникальный человек – с точки зрения своих человеческих качеств, с точки зрения профессиональной. Удивительный руководитель, даже – Учитель, мы так называли Юрия Ивановича в конце его жизни».

Биографическая книга должна быть основана на документах, однако большая часть официальных материалов, касающихся жизни и службы генерал-майора Юрия Ивановича Дроздова, не будет открыта никогда. Их публикация могла бы нанести серьёзнейший ущерб интересам не только Службы внешней разведки России, но и всего нашего государства, а также, в полном смысле слова, сломать судьбы многих людей, кого-то из них даже погубить. Но разведка умеет хранить свои тайны, и потому документы, о которых идёт речь, так и останутся навсегда нерассекреченными. А значит, очень многое из того, что сделал герой нашей книги, никогда не станет известно, что называется, широкому кругу читателей. Если же говорить точнее, то почти ничего открыто не будет. Ведь разведка, в отличие от любой профессии – любого рода человеческой деятельности, – хранит свои достижения в тайне. Чем больше успех – тем о нём меньше известно, ну а о путях его достижения вообще говорить не приходится. Впрочем, не только успехи: разведка тщательно скрывает от посторонних (тем паче – от профессионально заинтересованных) глаз формы, методы и цели своей работы, и даже сами её смысл и суть. В общем, абсолютно всё то, что с ней в той или иной степени связано. Особо охраняемым секретом являются кадры этой Службы, а в результате этого подавляющее большинство людей, так или иначе к ней причастных, до конца жизни сохраняют свою причастность в тайне. (Кстати, тайну эту охраняет также и соответствующий закон нашего государства.) Недаром девизом нелегальной разведки являются слова: «Без права на славу – во славу Державы».

И всё-таки я, как автор тогда ещё будущей книги, получил счастливую возможность обратиться с вопросами к некоторым из сослуживцев и подчинённых Юрия Ивановича Дроздова, к его коллегам и друзьям – благо что эти люди находятся среди нас – и привести в своём повествовании их воистину уникальные свидетельства о личности этого замечательного человека. Хотя, предупреждаю сразу, в этих доверительных рассказах не окажется ничего секретного – зато всё-таки будет открыто немало неизвестных ранее страниц, будут даны ответы на кое-какие из вопросов, что неизбежно задают многие читатели, знакомясь с биографией нашего героя.

Но при этом наша книга – никак не целостная картина, что положено для добросовестного издания «ЖЗЛ», где вся биография героя описана и осмыслена от и до – буквально с первого и уж точно до последнего дня. Нет, как уже сказано, написать такой труд не представляется возможным. Скорее, это некое мозаичное полотно, составленное из многообразных фактов, случаев и свидетельств. Представляется, что если бы такой информации было немного больше или несколько меньше, это не слишком повлияло бы на общую картину восприятия. Надеемся, что основное из того, что можно было сказать, нами всё-таки сказано.

Притом, к своему стыду, я, как автор, вынужден сразу же покаяться в двух своих недостатках (разумеется, таковых гораздо больше, но к данной книге они непосредственного отношения не имеют, а потому и говорить о них сейчас не будем). Так вот, во-первых, у меня очень плохая память на имена. Только по этой причине и получилось: в начале разговора мои собеседники называли себя, но потом, в процессе беседы, имена и отчества, а тем более фамилии

кого-то из них вылетали из моей памяти. Переспрашивать же или уточнять впоследствии было неудобно... Поэтому не нужно удивляться, что кое-кто из моих собеседников останется на страницах этой книги безымянным или с искажённой по чистой случайности фамилией, за что я приношу искренние извинения и им самим, и всем читателям. Во-вторых, у меня есть некоторые проблемы с географией. Несмотря на то что когда-то, при поступлении в военное училище, сдал этот предмет на «отлично», я, в частности, до сих не могу отыскать на карте Народную Республику Алвазию (против её коварной спецслужбы, помнится, работал герой моей любимой французской комедии «Великолепный» – секретный агент Боб Сен-Клер) и, к своему стыду, напрочь позабыл, столицей какого государства является прекрасный город Манкитаун. Ну и так далее... Поэтому, если читатель вдруг обнаружит какие-то географические погрешности или поймёт, что я забыл, перепутал, исказил названия каких-то стран или городов – просьба быть снисходительными к автору. В конце концов, как некогда писал про географию в своём бессмертном «Недоросле» Денис Иванович Фонвизин, «это таки и наука-то не дворянская». Мол, к чему она, если извозчики довезут? А сегодня вообще – навигаторы! Оно как-то утешает!

Зато говорю честно и откровенно, что никому из моих собеседников я не приписываю ничего лишнего, ими не сказанного, – и это может подтвердить любой из них. То же, что когда-то ранее рассказывали мне люди, уже ушедшие, в большинстве случаев было зафиксировано в некоторых моих предыдущих книгах и газетных публикациях, я делаю на них ссылки, и по ним, при желании, всё можно проверить. Точно так же зафиксировано и то, что говорил мне сам Юрий Иванович Дроздов, – с ним мне не раз довелось встречаться с начала 2000-х годов.

Предупреждаю также, что в книге напрочь отсутствуют какие-то версии, домыслы и авторские догадки, характерные для многих произведений современной «исторической» литературы, зато есть обоснованные предположения, сделанные сотрудниками Службы. Но это – точка зрения профессионалов, людей, не привыкших бросать слов на ветер, и потому сказанное по крайней мере достаточно близко к истине, известной далеко не каждому.

Понятно, что идея написать книгу «Юрий Дроздов» для серии «Жизнь замечательных людей», поддержанная руководством Службы внешней разведки России, возникла после ухода Юрия Ивановича из жизни, а потому нет смысла объяснять, что конкретный, целевой сбор материалов для этой биографии был начат мною сравнительно недавно. По этой причине остаётся только жалеть, что во время своих давнишних встреч с такими интересными и весьма осведомлёнными людьми, как председатель КГБ СССР Владимир Александрович Крючков, начальник Первого главного управления КГБ СССР Леонид Владимирович Шебаршин, первый заместитель начальника ПГУ КГБ СССР Вадим Алексеевич Кирпиченко, Постоянный представитель СССР при ООН Олег Александрович Трояновский, легендарный руководитель восточногерманской разведки Маркус Вольф, а также с некоторыми другими товарищами, имена которых встретятся на страницах этой книги, я ничего у них про Юрия Ивановича не спрашивал. К чему тогда мне это было? Дроздов ведь сам описал свою жизнь в книге «Вымысел исключён», как тогда казалось – максимально подробно. А какого-то повода – типа юбилейной даты, когда можно опубликовать в газете этакий «коллективный портрет» «виновника торжества», составленный из рассказов его коллег, друзей и знакомых, не было... Вот и не возникало подобных вопросов, ибо «на пустом месте», заданные без реальной необходимости, они порой кажутся просто бестактными: мол, скажите, а что вы думаете относительно имярек? Ответ тут мог оказаться достаточно жёстким: «Что думаю, то и думаю, вам какое дело? Если хотите что-то о нём узнать, так у него самого и спрашивайте!»

Теперь-то мне известно, что эти давние мои собеседники могли не только рассказать много-много интересного именно для этой книги, но даже (если бы, конечно, захотели!) честно и объективно ответить на те непростые вопросы, что не раз возникают при обращении к био-

графии Дроздова, помочь «расставить» столь необходимые точки над «i». Какие именно это вопросы – читатель скоро узнает и поймёт. Если, разумеется, сам над ними не задумывался.

Но только вот сейчас эти люди уже никому ничего не расскажут. Обидно, но что поделаешь? Такова жизнь! Разумеется, ничего за этих давних своих собеседников додумывать, досказывать, а затем лукаво писать «из неопубликованного» я не буду. (Насколько известно, один из именитых старых большевиков, близко знавших В. И. Ленина, подобным образом срезал своих оппонентов, безапелляционно заявляя: «Владимир Ильич по этому поводу говорил вот так!» – «Откуда вам это известно? Ленин так не говорил!» – «Это вам он так не говорил – а мне говорил!» И попробуй возрази, учитывая авторитет того самого «сподвижника вождя мирового пролетариата». Но, как говорится, «мы пойдём другим путём».)

Ранее я упомянул книгу Юрия Ивановича «Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки»; первое издание вышло в 1997 году, сначала, в 1994 году, она вышла под названием «Нужная работа». Конечно, к этим воспоминаниям я обращался постоянно, не забывая при этом, что мемуары – это всё-таки литературный жанр, хотя и весьма специфический. Во-первых, они всегда хоть сколько-то, но субъективны; во-вторых, за давностью прошедших лет автор нередко может что-то позабыть или перепутать, а то и намеренно ввести читателя в заблуждение. Поэтому в той же Службе внешней разведки никакие воспоминания официальными документами не считаются. К тому же даже самый честный и откровенный мемуарист никогда не напишет «всё обо всём». Ведь, как рекомендовал когда-то начальник прусского генштаба и выдающий военный теоретик граф Хельмут фон Мольтке^[1]: «Господа, пишите правду и только правду! Но не всю правду».

Так что, не раз ссылаясь на книгу «Вымысел исключён», я всё-таки не стану считать её истиной в последней инстанции и даже рискну подвергнуть обоснованному сомнению кое-что из сказанного.

Прошу также читателя не сетовать на обилие цитат – по моему мнению, гораздо лучше что-то повторить, сославшись на первоисточник, нежели пересказывать чужие тексты своими словами. Или же добавлять свои якобы заданные вопросы в воспоминания самого Юрия Ивановича либо кого-то из его соратников, чтобы представить это «творение» в качестве «эксклюзивного интервью». К сожалению, в процессе изучения материалов для книги мне пришлось встретиться и с подобными не совсем добросовестными «приёмчиками». Я пошёл более простым путём: ничего не пересказывая и не трансформируя тексты, адресую читателя к оригиналам, а то, что говорили мне различные люди, – стараюсь передать как можно точнее, чтобы интонации были «слышны».

Заканчивая это предисловие, выражаю искреннюю благодарность руководству Службы внешней разведки Российской Федерации и ряда её подразделений, бывшим и действующим сотрудникам Первого главного управления КГБ СССР и СВР России, ветеранам специальных подразделений, сотрудникам агентства «НАМАКОН», друзьям и знакомым Юрия Ивановича Дроздова – названным и неназванным, в общем, всем тем уважаемым людям, кто помог мне в сборе материалов и работе над этой книгой.

Особая признательность – моим друзьям из Пресс-бюро СВР России, которым руководит Сергей Николаевич Иванов, за их всегдашнюю помощь, поддержку, внимание и заботу, а Николаю Вячеславовичу Морозову – за предоставленные фотографии.

Вот, в принципе, всё то небольшое, о чём автору хочется предупредить читателя, начиная рассказ о замечательном человеке, легендарном советском разведчике генерал-майоре Юрии Ивановиче Дроздове, а также – об очень непростом периоде жизни нашей великой страны.

P. S.

В научной литературе авторы обычно заменяют местоимения «я» на «мы», и в данном случае я прибегаю к тому же приёму. Опыт подсказывает, что слишком частое упоминание

автором «себя любимого» (а в данной книге оно неизбежно: «мне рассказали, «я встречался» и т. д.) утомляет и раздражает читателя. Скромное «мы» будет гораздо лучше.

Глава 1. Всё впереди

Известно, что главное в разведке – это связь. Какой бы важнейший и суперсекретный материал ни удалось заполучить разведчику, но если не удастся своевременно передать информацию в Центр, то в итоге грош ей окажется цена. Разумеется, что разведывательное сообщение должно быть написано предельно чётко и ясно: любая неточность может вызвать сомнение в достоверности всего материала.

Сказанное поясним на примере той самой книги Дроздова «Вымысел исключён» (подчёркиваем: не примером из книги, а на её примере!). Юрий Иванович, в частности, писал так:

«Отец мой, Иван Дмитриевич Дроздов, был офицером Русской армии. Участвовал в Первой мировой войне, воевал на Юго-Западном фронте. За храбрость получил Георгиевский крест и удар широким австрийским штыком в грудь. Но остался жив. После 1917 года служил в Красной Армии»¹.

Вот и в телефильме, недавно с успехом показанном на одном из центральных каналов, говорится без всяких сомнений: «Его отец – офицер Русской армии, Георгиевский кавалер».

Ну что ж, для нас это прекрасная возможность получить сведения о боевой биографии Дроздова-старшего. Если офицер был награждён орденом Святого Георгия (применительно к нему название «Георгиевский крест» является просторечным, зато официальным – для солдатской награды четырёх степеней, изначально именовавшейся «Знаком отличия Военного ордена»), то следует обратиться к авторитетному биобиблиографическому справочнику «Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия»², в котором представлены списки всех кавалеров ордена. Указано не только, кто именно и когда награждён, но и то, в каком полку и в каком чине офицер в это самое время служил.

Открываем раздел книги, посвящённый Первой мировой войне.

Фамилия «Дроздов» не слишком редкая, но мы находим лишь одного её представителя: на 501-й странице указано, что 5 октября 1917 года подпоручик 42-го пехотного Якутского полка Андрей Фёдорович Дроздов был награждён Георгиевским оружием. Перед ним, на той же странице, значится подпоручик 102-го пехотного Вятского полка Тимофей Иванович Дрозд, убитый 22 июня 1916 года и посмертно награждённый орденом Святого Георгия 4-й степени, после А. Ф. Дроздова – полковник Генерального штаба Михаил Гордеевич Дроздовский, будущий белый генерал, награждённый в мае 1916 года Георгиевским оружием, а 26 ноября 1917-го (бюрократическая машина ещё работала!) – орденом 4-й степени. И всё!

А где Иван Дмитриевич Дроздов? Неужели информация про «Георгия» – всего лишь семейная легенда? Не станем же мы думать, что Юрий Иванович решил приукрасить отцовскую биографию.

По счастью, из Архива Службы внешней разведки нам передали копию чего-то типа «листка по учёту кадров» – названия нет. Датирован документ 28 декабря 1936 года – указано, что в этот день Ивану Дмитриевичу присвоено воинское звание «капитан». Потом «капитан» зачёркнут, написано «майор», но дата присвоения этого звания не обозначена.

Здесь же указано – перечисляем по порядку, – что Дроздов был беспартийный, происходил «из крестьян», «служил в РККА на должностях командного состава» с 1920 года, но имел перерыв с 1924-го по 1930-й. В Гражданской войне участвовал с 1919 по 1922 год. Разумеется – в рядах Красной армии. И, наконец, графа: «Служба в старой армии и последний чин». Записано: «1916—17, подпоручик». При этом в графе «Общее образование» указано: «низшее», а в качестве «военного образования» значатся «Химические курсы командного состава (КУКС) РККА в 1933 году».

И вот теперь, на основе этого документа, можно, пускай и не без труда, но приблизительно выстроить боевую биографию Ивана Дмитриевича Дроздова.

Почему «не без труда и приблизительно»? Поясняем.

К началу мировой войны ему исполнилось 20 лет: он родился в 1894-м, – а призывали тогда с двадцати одного года, так что его и призвали. Вот только почему-то совсем не скоро: в «листке» значится, что он служил с 1916-го. А ведь в том году, 24 мая, ему уже исполнилось 22 года. Нет, конечно, могли призвать и зимой или в начале весны, то есть ещё в 21 год, но вот будущего маршала Жукова, 1896 года рождения, «забрили» в девятнадцатилетнем возрасте, в августе 1915-го, потому как в связи с большими потерями на фронте в мае был объявлен досрочный призыв.

Понятно, что крестьянин с «низшим образованием» (значит, читать-писать умел, но с грехом пополам) изначально служил солдатом. Между прочим, в семье Дроздовых бытует версия – вроде кто-то что-то когда-то говорил, – что отец Ивана Дмитриевича был учителем, так что и образование у него могло быть не совсем «низшим», но ни подтверждения тому, ни опровержения нет, оставляем утверждение без внимания.

Война между тем вносила в жизнь свои коррективы. Армия, как мы только что сказали, несла огромные потери, в первую очередь офицерского состава, потому как русские пехотные офицеры, по традиции, ходили в атаку впереди своих подразделений – с шашкой в руке и с папиросой в зубах. Высший шик! Но зато их и выбивали первыми. Нехватку офицерских кадров нужно было срочно пополнять.

«Во время Мировой войны для восполнения больших потерь офицерского состава армии открыты краткосрочные военно-учебные заведения офицеров военного времени – прапорщиков. К концу 1914 г. уже насчитывалось 11 таких школ с 3—4-месячным сроком обучения... Комплектовались школы прапорщиков лицами с высшим и средним образованием, годными к военной службе, студентами и вообще любыми лицами, имевшими образование хотя бы в объёме уездного или высшего начального училища, а также отличившимися на фронте солдатами и унтер-офицерами»³.

Обратите внимание на последнюю строку – про отличившихся на фронте. Таковых в школы прапорщиков брали и с «низшим образованием». Максимально возможной военной карьерой для выпускников этих школ – так называемых офицеров военного времени – был капитанский чин, а далёкой перспективой – увольнение в запас по окончании боевых действий. Хотя более реальной перспективой для них было погибнуть в бою... Понятно, что обстрелянные фронтовики, пусть и малограмотные, погибали меньше, нежели их образованные товарищи, не имевшие по выпуску из школы боевого опыта.

Что ж, теперь у нас практически нет никаких сомнений. Иван Дмитриевич действительно был удостоен Георгиевского креста – именно солдатской награды! – и вполне возможно, получил за храбрость лычки унтер-офицера. А может и нет, не обязательно. Зато потом, очевидно, он окончил школу прапорщиков и получил офицерские погоны.

Ничего более подробного узнать не удалось, хотя Юрий Иванович и писал, что отец его начинал армейскую службу в Казани, но что там найдёшь? Перед мировой войной в городе стоял штаб 41-й пехотной дивизии, в неё входили четыре полка – и где сейчас архивы этих полков? Существовали также 1-я и 2-я Казанские школы прапорщиков, но, скорее всего, Иван Дроздов окончил подобную школу уже на театре военных действий, при своём Юго-Западном фронте...

Зато можно с уверенностью сказать, что офицером он был хорошим – как-никак, за короткое время (солдатская служба – учёба – офицерская служба, сколько её там было?) получил очередной чин подпоручика, не всем это удавалось, многие так и застревали в «прапорах» навечно. Но, как мы видим, в книге «Вымысел исключён» очерёдность событий оказалась нарушена («был офицером – получил “Георгия”», хотя оказалось наоборот), что, безусловно,

может вызвать сомнение у какой-нибудь зануды, нам подобной. Вот и пришлось, чтобы докопаться до истины, провести небольшое исследование.

А теперь представьте: если примерно так же что-то окажется не совсем ясно в разведывательном сообщении? То есть допустим, что было сначала и что произошло потом – то есть нарушена причинно-временная связь. Но тут уже попросить человека, работающего «в поле» – то есть на чужой территории, – уточнить или хотя бы подредактировать свой текст далеко не всегда представляется возможным.

Кстати, в биографии Дроздова-старшего имеются и другие загадки. Как мы уже указывали выше, он «служил в РККА на должностях командного состава» с 1920 года, при том что участвовал в Гражданской войне с 1919-го. Возникают сразу два вопроса. Прежде всего, чем же занимался Иван Дмитриевич в том самом году, что даже в песне был обозначен как «боевой восемнадцатый», и когда в ряды противоборствующих армий не только приглашали и зазывали, но и забирали вне зависимости от прошлого и политических убеждений всех и каждого, так что избежать этой самой мобилизации было весьма проблематично? И что, разве в 1919 году он служил в качестве рядового, если был причислен – как это называлось – к «комначсоставу» только в 1920-м?

И далее. В книге у Юрия Ивановича этого нет, но в ряде его интервью и материалов о нём говорится, что отец его был офицером-артиллеристом. Причём как бы и на высокой должности.

Вот что писал об этом очень уважаемый нами ветеран внешней разведки и писатель Владимир Сергеевич Антонов^[2]:

«Он [Ю. И. Дроздов] родился... в семье профессионального военного, офицера-артиллериста царской и Красной армии... <...>

В Гражданскую войну перешёл на сторону красных, командовал артиллерией в дивизии Чапаева»⁴.

По-современному, начальник артиллерии дивизии – полковничья должность. Как известно, в Красной армии «бывших офицеров» хватало с избытком, так что вряд ли начальником артиллерии дивизии поставили бы абы кого, исходя из одной только «революционной необходимости». Но почему-то потом артиллерист обратился в химика, закончил, как мы помним, «химические КУКС», а в 1939 году занимал должность начальника штаба Харьковской школы ПВХО – противовоздушной и противохимической обороны.

Ну ладно, об отце пока достаточно, поговорим теперь о начале биографии самого Юрия Дроздова, о его семье. Рассказ будет недолгим по двум причинам. Во-первых, интересно написать о судьбах большинства людей не так-то и просто: «жил там-то, учился, работал там-то». И в общем-то всё... Во-вторых, всё-таки читатель ожидает от нашей книги отнюдь не воспоминаний о «босоногом детстве» нашего героя.

Впрочем, и без таких воспоминаний в биографической книге обойтись нельзя.

Итак, родился Юрий Дроздов 19 сентября 1925 года в Минске, где в ту пору служил его отец.

«Я помню отца только военным, всегда в форме. Иван Дмитриевич происходил из зажиточного рода, жившего в Покровской Слободе (ныне Энгельс), – рассказывал Юрий Иванович корреспонденту журнала «VIP-Premier». – Мой отец, царский офицер, перешёл на сторону большевиков и отправился воевать в составе дивизии Чапаева, а его брат сражался по другую сторону баррикад – гражданская война в отдельно взятой семье! Отца мотало по подразделениям в Сибири, Белоруссии, в конце концов он осел в районе Борисова. У мамы – Анастасии Кузьминичны – тоже интересная биография. Она выросла в семье охранника помещичьего сада. Хозяин сдуру выучил её в гимназии – отдал туда вместе со своей дочерью. Потом устроил работать машинисткой на английскую фабрику в Переславле-Залесском. Вернулась в отчий дом моя мама с хорошей специальностью и получила место машинистки в НКВД»⁵.

Известно также, что Иван Дмитриевич, дослужившийся перед войной до майора, с первых дней Великой Отечественной убыл на фронт, был тяжело ранен в боях под городом Старая Русса, тогда это была Ленинградская область. Полтора года госпиталей, потом – служба в тылу, начальником штаба военного училища. Закончил службу старший Дроздов там же, где и начинал, – в Казани. Ну, если такой вариант вполне можно было предполагать при призыве или мобилизации в далёком 1916 году, то думать о том, что он будет служить на военной кафедре Казанского университета, тогда было совершенно невозможно...

Из тех родственников, кого Юрий Иванович когда-то знал, остался в его памяти дед – Кузьма Панкевич, тот самый, который некогда служил садовником (так пишет Дроздов в своей книге «Вымысел исключён») у помещика под Лепелем. Карьеры в результате Октябрьской революции дед не сделал и трудился сторожем на кладбище в том же Лепеле.

«Дед был молчалив, по-настоящему стар. Он строгал для меня из тонких жердинок удочки и уводил ловить рыбу в одном из затончиков старой Мариинской системы... В период Гражданской войны в Лепеле были поляки. Поляков дед не любил. Он не мог им простить, что польский жолнер тогда уволок у него оловянную мыльницу»⁶.

Как это здорово, если в детстве у тебя был дед, водивший тебя на рыбалку! Такое действительно забыть невозможно...

Во время Великой Отечественной войны дед Кузьма – «простой, добрый, отзывчивый и неsgiбаемый человек», ушёл в партизаны, хотя было ему 90 лет. Вот только труд этот оказался для него уже непосилен: зимой 1943 года он заболел, возвратился в Лепель и умер прямо на своём кладбище...

В 1937 году (не надо напрягаться, большинство советских людей тогда жили своей обыкновенной жизнью!) Иван Дмитриевич получил назначение в Харьков, в одно из военных училищ. В какое именно – сказать трудно, потому как в ту пору в городе действовали пехотное, артиллерийское, танковое – вне всяких сомнений, ибо это был один из центров советского танкостроения, военно-политическое, военно-медицинское и какие-то ещё военные училища. И вообще это был крупный промышленный, научный и культурный центр.

В «Политическом словаре» издания 1940 года сказано:

«В Харькове – 30 вузов, в том числе университет; 38 техникумов, 44 научно-исследовательских института, 12 театров. В результате реконструкции Харьков, ранее грязный, страдавший от недостатка воды, превратился в один из лучших по благоустройству и красоте городов СССР»⁷.

Можно сказать, что Юра тогда «дорвался» до возможностей, предоставленных ему этим городом. Центром притяжения стал для него Дом Красной Армии, где для ребят – разумеется, совершенно бесплатно! – работали самые разные кружки и секции. Он стал посещать зоологический кружок и кружок исследователей Арктики, а также детскую драматическую студию при том же ДКА. Всё это было так интересно, такое счастье!

Впрочем, у жизни в Харькове сразу же нашлись и свои минусы, в частности обязательное изучение в школе украинского языка. Поставив на первом же диктанте антирекорд по количеству ошибок – 39 на одной странице, – Юрий был вынужден всерьёз заняться изучением языка, в том числе и читать украинскую литературу. Очевидно, именно тогда впервые проявилась его способность к языкам, так что с этой проблемой удалось справиться.

Гораздо труднее было разобраться с другой проблемой – собственным здоровьем. Юрий Иванович признавался: «Первые 12–13 лет жизни рос я дохлым, болезненным мальчишкой. Перенёс, кажется, все болезни...» В конце концов Иван Дмитриевич воспользовался служебным положением и отправил сына на всё лето в лагерь своего военного училища. Целебный воздух соснового леса, спартанские условия жизни в палатке, здоровая солдатская пища и физические нагрузки сделали своё доброе дело – все болячки остались в прошлом, а перед Юрием открылась прямая дорога...

Но скажем сначала о дороге как бы параллельной, мы её уже упомянули.

«Учась в харьковской школе, я параллельно занимался в драматическом кружке, руководителем которого был Виктор Хохряков^[3], впоследствии уехавший в Москву и ставший народным артистом. Под его руководством мы ставили спектакль “Маленький Мук”, и должен сказать, что навыки, наработанные в детстве, потом мне весьмагодились»⁸.

Театр – это безумно интересно, но вряд ли Юра мог тогда даже подумать о профессиональной сцене. В те времена подавляющее большинство мальчишек мечтали о службе в рядах РККА и младший Дроздов, сын военного, исключением не являлся. Сейчас сложно сказать, насколько совпадали взгляды отца и сына, однако когда Иван Дмитриевич положил на стол перед сыном большую прекрасно изданную книгу в синей обложке «Артиллерия» и сказал, что это будет его профессия, – Юра возражать не стал.

Он сразу начал читать, и эта книга из разряда научно-популярной литературы оказалась очень интересной. Даже неожиданно интересной, потому как в ней не только подробно описывалось, что представляет собой тот самый род войск, что вскоре будет наречён «богом войны», но и были даны ответы на многие, в том числе и нелепые на первый взгляд вопросы. Отдельные разделы такими вопросами и озаглавлены: «Можно ли заменить порох бензином?» или «Пушка ли “Царь-пушка”?». Если к интересному, легко изложенному содержанию книги добавить большое количество самых разных рисунков, то не стоит удивляться ни тому, что младший Дроздов её буквально «проглотил», ни тому, что следующей осенью он поступил в артиллерийскую спецшколу.

Думается, не лишним будет объяснить, что это за учебное заведение.

В то время в мире, говоря словами легендарного поэта-партизана Дениса Давыдова, уже основательно «пахло жжёным порохом». Советский Союз, так же как и прочие страны Европы, готовился к грядущей войне. Увеличивалась численность Красной армии, осуществлялось её перевооружение на новые, современные образцы. Естественно, что возник дефицит офицерских (тогда они назывались командирскими) кадров – особенно для так называемых технических войск. Было очевидно, что даже ускоренными методами типа «школы прапорщиков» с трёх- или четырёхмесячным периодом обучения его не покрыть. Более того, даже установленного в то время двухгодичного срока учёбы в военных училищах явно было недостаточно. Из понимания этого возникла здравая идея: готовить командирские кадры заранее, ещё до поступления молодых людей в военно-учебные заведения или до их прихода на срочную службу. Было решено создать специализированные школы для подготовки будущих курсантов военных училищ, для начала в качестве эксперимента – артиллерийских. Задачу по созданию таких школ непосредственно и совместно решали Народный комиссариат обороны СССР и Народный комиссариат просвещения РСФСР, а в качестве куратора проекта выступал Центральный комитет ВЛКСМ.

В том же самом 1937 году несколько российских школ были преобразованы – на уровне 8—10 классов – в артиллерийские спецшколы. Очевидно, что эксперимент оправдал себя изначально: так, уже в апреле следующего года Совет народных комиссаров СССР утвердил Положение о специальных школах Народных комиссариатов просвещения РСФСР и УССР, в результате чего было создано 16 артиллерийских спецшкол, причём пять из них дислоцировались в Москве. Были также спецшколы в Киеве, Ленинграде, Одессе и, что для нас особенно важно, в Харькове.

Поступить туда было нелегко, конкурс желающих сразу же оказался высокий. Для того чтобы стать воспитанником, ребятам следовало сдать экзамены по всем общеобразовательным дисциплинам, особое внимание при этом обращалось на столь необходимые для артиллериста математику, физику и химию, а также иностранный язык, ибо армия готовилась к войне. Как и положено для военного училища, абитуриенты проходили строгую медкомиссию и сдавали зачёт по физической подготовке. Нужно было также ещё пройти собеседование, в ходе кото-

рого проверялись кругозор, интеллектуальный и культурный уровень желающих стать командирами-артиллеристами. Недаром же в русской армии бытовала пословица: «Умный – в артиллерии, храбрый – в кавалерии, пьяницы – на флоте, а дураки – в пехоте».

Со всеми испытаниями Юрий Дроздов справился успешно, так что с 1 сентября 1940 года он начал учёбу в спецшколе, носившей номер «14». Тогда же он впервые надел военную форму: зелёный китель, перехваченный солдатским ремнём, брюки на выпуск – синие с красным кантом, фуражка с чёрным артиллерийским околышем. Зимой, соответственно, воспитанникам полагалась шинель. На чёрных петлицах, прикреплённых на отложных воротниках кителя или шинели – погоны тогда в армии не носили, – были помещены скрещенные стволы старинных орудий – эмблема артиллерии – и буквы «СШ». Хотя, может быть и «САШ» (специальная артиллерийская школа), по-разному случалось, если смотреть на сохранившиеся фотографии тех лет.

Отметим со слов подчинённых и сослуживцев Юрия Ивановича, что военную форму он любил (особенно – свою генеральскую), и в тех редких случаях, когда доводилось её надевать, делал это с искренним удовольствием.

Но кто бы тогда сказал Юрию, что впереди у него более полувека службы и генеральские звёзды, вот только две трети этого немалого срока он будет надевать мундир лишь затем, чтобы раз в несколько лет сфотографироваться для «личного дела» или покрасоваться в президиуме собрания по каким-то особо торжественным случаям! Ну сказали бы, и что с того? Он бы не поверил, даже не понял бы. Это нам сейчас всё просто и ясно, а тогда Дроздову казалось, что впереди – настоящая ратная служба, война с фашистами, которые к тому времени уже успели оккупировать пол-Европы. Недаром даже их, школьников, к службе и войне готовили по-настоящему. Понятно, что это делали не школьные учителя, но кадровые командиры артиллерии РККА, прикомандированные к спецшколам для преподавания военных дисциплин и осуществления командных функций. Причём сюда направляли не абы кого, лишь бы избавиться, но в действительности лучших, часто – орденосцев или награждённых боевыми медалями. Такие командиры пользовались у ребят особым уважением и авторитетом, успешно выполняли функции воспитателей. Младшие командиры – командиры отделений, помощники командиров взводов – назначались, как и в настоящих военных училищах, из числа обучающихся, чтобы изначально приобретали столь необходимые командные навыки.

Школьная общеобразовательная программа, по которой занимались воспитанники, была скорректирована в соответствии с программой обучения артиллерийских военных училищ, чтобы потом как бы плавно в неё перейти. Приоритетом пользовались всё те же точные науки, и опять-таки ребята здорово налегали на иностранный язык, как правило – немецкий. Между прочим, из штатских педагогов в спецшколы также отбирали лучших.

Порядки здесь были военные, их определяли специально разработанные «Правила внутреннего порядка в специальных средних военных школах» – разумеется, они были не такими жёсткими, как устав. К тому же местные ребята жили дома, иногородные – в интернате. В общем, казармы не было, и это существенно облегчало жизнь воспитанников. По окончании спецшкол их выпускники дружно отправлялись в артиллерийские училища разных городов и, как правило, становились там лучшими курсантами.

Эксперимент с артиллерийскими спецшколами удался. По этой причине в том самом 1940 году в СССР были также созданы спецшколы для Военно-морского флота и для авиации. Известно, что эти учебные заведения просуществовали всю войну и даже несколько дольше. Но к нашей теме это отношения уже не имеет.

Итак, осенью последнего предвоенного года Юрий Дроздов стал воспитанником артиллерийской спецшколы. Успешно прошёл год насыщенной учёбы, пришло самое интересное время: лагерный сбор на целых полтора месяца. А это значит – полевые занятия, тактика, боевые стрельбы не только из стрелкового оружия, но даже из артиллерийских систем. Вообще

стрельбы и полевые выходы – это именно то, что позволяет курсанту (или воспитаннику, суворовцу) почувствовать себя по-настоящему военным человеком. Обыкновенному школьнику никто стрелять из пушки не доверит.

Да только пройти этот лагерный сбор до конца воспитанникам спецшколы в то лето 1941 года не удалось.

«Начало Великой Отечественной войны застало нашу семью в Харькове, – вспоминал Юрий Иванович. – С началом боевых действий курсантов спецшколы отозвали из летних лагерей и направили на танкоремонтный завод помогать ремонтировать танки, прибывавшие с фронта. Это было первое конкретное знакомство со следами жестокой войны, жертвой которой уже стал отец»⁹.

О том, что майор Иван Дмитриевич Дроздов получил серьёзное ранение в боях под Старой Руссой, мы уже говорили. У Юрия Ивановича же была своя фронтовая судьба. А от судьбы, как известно, не убежишь, равно как и бесполезно пытаться идти ей наперекор. Дроздов убедился в этом на собственном опыте, о чём некогда и рассказал нам в своём интервью для газеты «Красная звезда»:

«С началом боевых действий нас отозвали из лагерей и направили на танкоремонтный завод, помогать ремонтировать поступавшие с фронта боевые машины. Затем нашу спецшколу эвакуировали в Актюбинск, и там, в 1942 году, мне пришлось пережить строгое, с угрозой исключения из комсомола, обсуждение на общем комсомольском собрании спецшколы за попытку бежать – ещё с тремя нашими ребятами – в Сталинград»¹⁰.

Почти теми же словами этот эпизод изложен Юрием Ивановичем и в книге «Вымысел исключён», с одной только маленькой, но весьма существенной разницей. В книге он пишет, что пытались бежать не просто в Сталинград, но в тамошнее танковое училище.

А это уточнение вызывает уже целый ряд вопросов. Прежде всего – почему именно в Сталинград? От Актюбинска до города на Волге – свыше тысячи километров. Гораздо ближе были Ульяновск, Саратов, Куйбышев, где также находились танковые училища. Впрочем, не так же – ведь в Сталинграде не было танкового училища! В начале войны туда было эвакуировано из белорусского Бобруйска военно-тракторное училище, а «чисто» танкового вообще не было! Весьма сомнительно, что юные кандидаты в герои направлялись именно в это учебное заведение. Скорее всего, ребята бежали на фронт, в Сталинград, где разгоралась та самая «битва на Волге», что вскоре решительно изменит ход войны. А вот рассказ о танковом училище как бы добавлял осмысленности их поступку: мол, рванули не абы куда, но на боевую учёбу, понимая, что с их годичной подготовкой в спецшколе они принесут больше пользы в качестве командиров, а не рядовых солдат. Это не было боязнью оказаться «простым солдатом» – не нужно думать, что лейтенантские «кубики» на петлицах могли гарантировать их обладателю какую-то безопасность, скорее даже наоборот. И танк вообще-то на один бой рассчитан.

Однако дерзкий план не удался. Попасть на фронт Юрию было ещё рано. По счастью, «патриотический порыв» его и его товарищей был разумно оценён командованием спецшколы. Могли ведь в назидание другим и для укрепления дисциплины (между прочим, самый действенный метод, нередко практикуемый!) турнуть их и из комсомола, и, разумеется, из спецшколы. И тогда, в чём нет никакого сомнения, уже никто из остающихся в её стенах воспитанников не помышлял бы о побеге в сторону фронта. Юрий Дроздов дождался бы 1943 года – своего призывного восемнадцатилетнего возраста (не исключено, что могли призвать и раньше), получил бы повестку, прибыл в военкомат, ну и далее как повезёт, на какой фронт рядовым солдатом отправят, ибо бывшего комсомольца в военное училище, пусть и самое краткосрочное, никогда бы не приняли... Так что при таком развитии событий вы бы эту книгу в руках не держали. Да и кто вообще о нём бы сегодня помнил?

А так всё обошлось, отделались в общем-то «лёгким испугом» – правда, каким именно («постановка на вид», «выговор», «строгий выговор» – список видов комсомольских взыска-

ний можно продолжить), мы не знаем, но главное, что не финальное и фатальное «исключение из рядов ВЛКСМ».

Так что своё восемнадцатилетие Юрий встретил в стенах спецшколы. Не знаем, отметил он как-то это событие или нет – мог, например, купить ближайшим друзьям халвы или пригласить в «чепок», то есть курсантский буфет, на чашку чаю с булочкой, что-то иное вряд ли, – но переход к призывному возрасту ничего в его положении не изменил. Слава богу, был уже сорок третий год, а не сорок первый, и не лето сорок второго, когда даже курсантов военных училищ бросали на передовую в качестве рядовых. Дроздов же спокойно доучивался – конечно, «спокойно» – это не совсем точно, потому как он, как и все его товарищи, мечтал о фронте и боялся, что вдруг война без него закончится.

Нет, война не кончилась. 5 июля 1943 года началась Курская битва, 12 июля развернулась «Битва под Прохоровкой» – крупнейшее встречное танковое сражение Второй мировой войны, и только 18 июля Юрий Дроздов был наконец-то призван в ряды РККА. Но не на фронт, а на учёбу в 1-е Ленинградское Краснознамённое артиллерийское училище имени Красного Октября. Разумеется, училище тогда находилось не в блокированном гитлеровцами Ленинграде, а в городе Энгельсе Саратовской области, на левом берегу Волги.

...Повторим то, что уже сказано в предисловии: знать бы, что посчастливится писать книгу о Юрии Ивановиче, можно было бы в своё время расспросить о нём тех людей, которые теперь давным-давно ушли...

Когда-то в Ленинграде мы дружили с отставным подполковником Василием Тихоновичем Грицаевым, начальником музея Ленинградского высшего ордена Ленина Краснознамённого артиллерийского училища имени Красного Октября – того самого 1-го ЛАУ. Судьба его сложилась так, что не только вся служба, но и вся последующая его жизнь оказалась связана с этим учебным заведением. Почти всю Великую Отечественную войну, до самой Победы, этот отважный боевой офицер провёл в городе Энгельсе, командуя курсантским подразделением. Спросить бы у него: «Василий Тихонович, а вы не помните Юру Дроздова?» Как знать, может, и ответил бы: «Да, был у меня такой курсант – толковый парень, умница! Хотя, скажу честно, авантюрист и сорвиголова... Такие ребята не забываются! А где он сейчас, что с ним?»

Но этот встречный вопрос остался бы без ответа. Дело в том, что имя генерала Дроздова (в то время он уже был генералом) тогда не только не входило в помещённые в конце несколько раз переиздававшейся книге об истории 1-го ЛАУ – ЛВВАКУ списки выпускников, удостоившихся «генеральских эполет», но и вообще было скрыто под строжайшим грифом «Совершенно секретно». Так что и мы его в то время не знали, а потому ничего у нашего друга спросить не могли. Как жаль!

И второе, кстати, также очень интересное пересечение судеб, связанных всё с тем же училищем. Один из сотрудников нью-йоркской резидентуры того времени, когда Дроздов был резидентом (как мы и предупреждали: память подводит! Знаем, что зовут его так же, как и одного из начальников внешней разведки, – но кого именно?! Хотя, совершенно точно, не Артур Христианович!^[4]), рассказывал:

«Мой отец был артиллеристом. Он не был кадровым военным, но в 39-м году его призывали на сборы, с которых он возвратился в конце 45-го. Сначала – была Западная Украина, потом – Финская война, а перед Великой Отечественной он оказался рядом с границей, так что с первых её дней воевал на Юго-Западном фронте. Под Житомиром его сильно ранило, его вывезли последним поездом из окружённого Киева; после госпиталя, с 42-го, он преподавал в Энгельсе, в артиллерийском училище, а в 44-м, в конце – снова на фронт. Войну закончил майором и сразу демобилизовался».

Ведь как тесен мир! Вполне вероятно, что Дроздову приходилось общаться в училище и с этим офицером, может, даже он был у курсанта любимым преподавателем, но, разумеется, резидент не расспрашивал разведчика о биографии его отца – подобные разговоры относятся

к категории «задушевных», они должны иметь некий особый повод, так же как и сотрудник не мог выяснять у своего начальника, где и когда тот учился...

А почему мы ранее называли подполковника Грицаева, всю жизнь прослужившего в артиллерийском училище, боевым офицером? Да потому, что в истории этого училища была страница, о которой знал и курсант Дроздов, и эта страница, вне всякого сомнения, тревожила и его душу, и души его товарищей.

Огненным летом 1941 года, когда гитлеровцы рвались к Ленинграду, в районе Луги – в 136 километрах от города на Неве – была создана укрепленная позиция, так называемый Лужский рубеж, и немцы застряли перед ним на целых 45 суток. Позицию эту обороняли курсанты ленинградских военных училищ.

«22 июля, вторник

...У деревни Язвище курсанты Ленинградского пехотного училища при поддержке курсантского дивизиона Ленинградского артиллерийского училища имени Красного Октября вели тяжёлый бой против вражеских танков и мотопехоты...

Метко били по противнику артиллеристы курсантского дивизиона. Уже в самом начале вражеской атаки противотанковые батареи старших лейтенантов Л. Зонова и П. Астафьева поразили девять танков. Три танка, пытаясь уйти от огня, повернули на левый фланг и попали под снаряды батареи лейтенанта В. Грицаева. Атака захлебнулась...»¹¹

Так громили немецко-фашистских захватчиков ленинградские курсанты, которым тогда было по 18 лет – как теперь им, «энгельским», сидящим за партами... О подвиге на Лужском рубеже, о героизме выпускников училища им напоминали постоянно, это была тема особой гордости: буквально только что, 22 марта 1943 года, был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении 1-го ЛАУ орденом Ленина. Этот орден считался в Советском Союзе высшей наградой, военных училищ, им награждённых, оказалось за всю историю не более полутора десятков – при том что Ленинградское училище было награждено в числе самых первых.

Без сомнения, это было предметом особой гордости и для вновь набранных курсантов – вот в каком училище мы учимся! – но примерно в то же время к этой «бочке мёда» они получили не то что «ложку», а, вполне возможно, альтернативную «бочку дёгтя». По крайней мере, они решили именно так.

В историческом очерке училища имени Красного Октября сказано:

«Великая Отечественная война предъявляла к военно-учебным заведениям, в том числе и артиллерийским, высокие требования. <...> Формы боя усложнялись. Роль артиллерии в наступательных боях всё усиливалась. Артиллерийский командир должен был решать разнообразные задачи в бою, обладать высокой культурой в обучении и воспитании советских воинов.

1 ЛАУ в 1943 году перешло с 8—10-месячного срока обучения курсантов на одногодичный и полуторагодичный»¹².

Для курсантов это был удар: к моменту их выпуска война закончится, враг будет разбит, и победа, разумеется, будет за нами...

Но что было делать?! Горький опыт побега на фронт у Дроздова уже имелся, а он был не из тех людей, кто позволяет себе дважды спотыкаться об один и тот же камень. Значит, следовало учиться – как бы ни было обидно.

Может, именно потому Юрий Иванович практически ничего не пишет в воспоминаниях об этих полутора годах своей жизни? Училище упомянуто мимоходом: «А в 1944-м, после подготовки в 1-ом Ленинградском артиллерийском училище г. Энгельса, уезжал на фронт»¹³. И всё! А зря – по нескольким причинам...

Начнём с того, что Юрий получил там серьёзную подготовку артиллерийского командира, что, несомненно, пригодилось ему в последующей армейской жизни.

Училище было переведено в город Энгельс в августе 1941 года, а уже 1 сентября здесь начались занятия. Сложно сказать, когда спали курсанты первых «военных наборов» (но тогда ведь вся страна была настроена на то, что «отдыхать будем после победы»), однако они не только учились, чтобы ехать на фронт и бить гитлеровцев – плохо учиться было нельзя, противник у них был очень серьёзный, подготовленный по-настоящему! – но и буквально на пустом месте создавали учебно-материальную базу для себя и для будущих поколений.

«Были оборудованы винтполигоны, полигон для стрельбы по танкам, построен электрифицированный миниатюр-полигон, приведены в порядок и собраны комнатные столы-полигоны, сконструированы складные чемоданы-полигоны, а с наступлением лета в районе расположения дивизионов были оборудованы миниатюр-полигоны на местности.

По всем основным дисциплинам созданы и оборудованы классы. По тактике, материальной части артиллерии, топографии, связи, военно-инженерному делу силами преподавательского и курсантского состава изготовлено большое количество наглядных пособий.

Мероприятиями, приближавшими учёбу к условиям боевой обстановки, явились также полевые тактические учения с боевыми стрельбами и летние лагерные сборы...

Занятия в лагерях проходили как днём, так и ночью без срывов, с полным использованием боевой техники и ещё более приблизили жизнь и учёбу к боевой действительности»¹⁴.

Не будем разъяснять все эти термины: «винтполигон», «миниатюр-полигон» и прочее – кто знает, тот поймёт, а кто не знает, тот не поймёт, но догадается, что всё это по-настоящему серьёзно...

К тому же Юрий теперь оказался в настоящем армейском коллективе. Это тоже весьма важно для формирования личности. Казарма многому учит, но главное – умению жить в коллективе и общению с людьми. А люди-то там были разные – не только «салажня» после школ и спецшкол. Конечно, «в области знаний» воспитанники артиллерийских спецшкол были на голову выше всех прочих, но чего реально стоили их знания по сравнению с боевым опытом некоторых их однокашников? Вспомним хотя бы Ивана Дмитриевича Дроздова, зачисленного в школу прапорщиков без всякого образования, но с Георгиевским крестом...

Там, в училище, Юрий подружился с сержантом Борисом Стекляром^[5], воевавшим буквально с первого дня войны. Причём не просто добровольцем, но скорее даже «блатником», так как его, семнадцатилетнего, взяли в боевое подразделение исключительно потому, что там знали его отца, кадрового офицера. А далее – «котлы», ранения, Ржев и Сталинград, две медали: «За отвагу» и «За боевые заслуги». Самые весомые солдатские награды! Из курсантов, вчерашних школьников в подавляющем своём большинстве, такие медали имели очень и очень немногие. Понятно, что до такого уровня Дроздову нужно было ещё расти и расти.

Но вот что-то их, Юрия и Бориса, тогда свело – по нашей информации, в училище они дружили. А может, всему причиной – или виной? – оказался «чёрный юмор» кого-то из училищных командиров. Дроздов был высокий, Стекляр, напротив, маленький, а потому, хохмы ради, их периодически вместе ставили в наряд по кухне. Представляете, как такая «парочка» тащит котёл с водой? Умора! К ним, соответственно, прилепилась кличка «Пат и Паташон» – был такой дуэт актёров-комиков в эпоху немого кино. И это было всем понятно, потому как Великий немой «заговорил» не так ещё и давно...

Но вскоре судьба развела друзей навсегда. В марте 1944 года Борис был выпущен из училища и направлен на 1-й Белорусский фронт. В войска того же фронта совсем не скоро попадёт и Юрий Дроздов, но «хозяйство» это было слишком большое, так что не встретились. Стекляр честно заслужил четыре боевых ордена, а потом был переведён на службу в НКВД и впоследствии гонял по Западной Украине «рогулей», как не слишком уважительно именовались тамошние националисты. «Гонял» – в смысле уничтожал, будучи в составе специальных подразделений госбезопасности. На его боевом счету записано немало ликвидированных бандитов, в том числе и знаменитый в узких кругах «Гравёр», обеспечивавший поддельными

документами всё оуновское подполье. Так Стекляр воевал после победы и дослужился до звания полковника...

...Однажды, через много лет после окончания училища, Борис Ефимович случайно увидел Юрия Ивановича по телевизору, узнал его, был счастлив, но теперь давние однокашники жили в разных государствах, а потому встретиться им не удалось...

И ещё – возможно, что и наиболее важное: именно тогда, во время учёбы, Юрий впервые познакомился с самой настоящей, исконной Германией.

Повторим, что училище дислоцировалось в городе Энгельсе – ещё недавно это была столица Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья, в наше время давно уже позабытой. Между тем до Великой Отечественной войны это была серьёзная административно-территориальная единица площадью свыше 28 тысяч квадратных километров и населением более 600 тысяч человек, 400 тысяч из которых составляли немцы.

Если посмотреть тот же «Политический словарь», то можно узнать, что «Республика занимает одно из первых мест в СССР по уровню агротехники. Колхозы и совхозы республики имеют много тракторов и комбайнов. Основные культуры – яровая пшеница, подсолнечник, махорка, горчица и бахчевые. Советская власть создала в АССР Немцев Поволжья крупную промышленность: производство нефтяных двигателей, молочную, махорочную, костеобрабатывающую, мясную. Сильно расширено производство сарпинки^[6]. В республике – 4 вуза, 14 техникумов, 5 театров»¹⁵.

Всё это осталось в прошлом: в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года все немцы были выселены в Казахстан, на Алтай и в Сибирь. Не оставляли никого – ни передовиков производства, ни коммунистов, ни партийных и советских руководителей. Но в этом, очевидно, были свои разумные моменты: разделение на «чистых» и «нечистых» не способствует укреплению человеческих отношений.

Была упразднена и сама республика, её территорию сразу же разделили между Саратовской и Сталинградской областями. Людей депортировали, автономию упразднили, но всё равно «маленькая Германия», где немецкие колонисты и их потомки проживали почти с середины XVIII века, осталась.

Дроздов так потом и говорил: «“Маленькую Германию” я видел ещё в Энгельсе, во время учёбы».

В городе Энгельсе сохранился истинный немецкий быт – быт старой Германии. С её знаменитыми стойлами для лошадей, с её плотиной, сделанной на речке Саратовке... Там были весьма своеобразные, с точки зрения русского человека, дома, с отоплением, сделанным на немецкий лад, когда одна печка экономно отапливала большой, добротный немецкий дом. Это были именно немецкие дома, немецкие постройки, сделанные умелыми немецкими руками.

Знал бы тогда Юрий, насколько та визуальная информация, что была им здесь получена, пригодится ему в будущем! Но кто из нас может что-то знать наперёд?

Безусловно, за два года, прошедших со времени депортации немцев, здесь что-то изменилось: в опустевших домах теперь жили командиры, преподаватели и другие сотрудники артиллерийского училища и знаменитой Энгельсской военной авиационной школы пилотов имени Марины Расковой, жили также лётчики с семьями – в городе был большой военный аэродром. А так как жили, что называется, на чемоданах, днём и ночью пропадали на службе и надеялись сразу по окончании войны возвратиться в свои родные края, то никто в этих домах и на дворах ничего не переделывал, не «усовершенствовал», так что «германский быт» фактически оставался в неприкосновенности...

...В самом конце 1944 года Юрий Дроздов получил свидетельство об окончании училища и погоны младшего лейтенанта. Когда он учился, то казалось, что время тянется нестерпимо медленно. Теперь вдруг стало понятно, что полтора года учёбы пролетели почти мгновенно.

Война за это время закончиться не успела, но уже стремительно приближалась к своему закономерному финалу.

Глава 2. Война лейтенанта Дроздова

По окончании обучения Юрию предложили продолжать службу в «родных стенах» – здесь же, в училище, командиром курсантского взвода. Из этого можно понять, что отучился он весьма успешно, потому как «посредственным» выпускникам таких предложений не делают. К тому же, судя по имеющейся фотографии, в училище Дроздов заслужил сержантские лычки, хотя нигде о том не написано, так что, очевидно, командовал отделением курсантов.

Есть версия, которая проходит в различных публикациях (вообще всяких версий по тем или иным пунктам биографии Юрия Ивановича немало, что неудивительно: замечательную личность нередко пытаются ещё больше «улучшить»), что Дроздов, окончивший училище с отличием, получил право выбора вида артиллерии. Разумный человек в такой ситуации выбрал бы артиллерию дальнобойную – корпусную или Резерва Верховного Главнокомандования, то есть ту, что находится на порядочном удалении от линии фронта. Но он, как рассказывают, попросился в противотанковую артиллерию. На самый что ни на есть передний край – недаром же про «противотанкистов» говорили: «Ствол длинный, а жизнь короткая». Почему так? Объясняем. Если расчёту удавалось заранее хорошо замаскировать орудие, что получалось далеко не всегда, потому как нередко приходилось разворачиваться прямо под носом у наступающего противника, то артиллеристы получали «фору» в несколько неожиданных выстрелов, после чего пушка всё равно превращалась в прекрасную мишень. Впрочем, танк мог раздавить эту «мишень» и гусеницами. В любом случае, артиллерийский расчёт не имел никакой защиты – разве что щиток орудия мог прикрыть наводчика от автоматных пуль и шальных осколков, не более.

Однако сам Юрий Иванович не писал, что ему была предоставлена возможность что-то по выпуску выбирать, он только отказался остаться в училище и обрадовался назначению «командиром взвода в противотанковом артиллерийском дивизионе одной из гвардейских дивизий 1-го Белорусского»: «Мною двигало желание бороться и быть вместе с уходившими на фронт друзьями детства. Я понимал, что могу и погибнуть...»¹⁶

Хотя на самом деле младший лейтенант Дроздов был направлен из училища не в какое-то конкретное подразделение и даже не на определённую по категории должность, а скорее всего «в распоряжение», как указывалось в предписании, командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта, оттуда его направили куда-то «пониже», и уже затем – в распоряжение начальника артиллерии 52-й гвардейской стрелковой Рижской ордена Ленина и ордена Суворова дивизии. Кстати, там-то, на месте, он уже мог что-то выбирать, но вряд ли младшему лейтенанту реальный выбор предлагался. Там могли спросить о пожеланиях, но направили туда, где были нужны люди. Таким образом он получил назначение командиром огневого взвода 57-го отдельного гвардейского истребительного противотанкового дивизиона. Взвод – две противотанковые пушки. Как рассказывал потом Юрий Иванович, это были 76-миллиметровые орудия ЗИС-3 образца 1942 года...

В часть он прибыл 15 января 1945 года, и с этого дня исчисляется срок его, как это звучит официально, «пребывания на фронтах Великой Отечественной войны» – реальная боевая выслуга.

Есть опять-таки версия – приходилось где-то читать, – что Юрий принимал участие во взятии Варшавы, которая пала через день после его прибытия, 17 января. Подобное утверждение не выдерживает никакой критики, ибо 52-я гвардейская дивизия в штурме столицы Польши не участвовала. Да если бы и участвовала, то кто бы отправил в бой только что прибывшего младшего лейтенанта? Это же не 1941-й, когда ему могли дать те самые два орудия и напутствовать: «Вот твой рубеж! Противник через него пройти не должен. Стой здесь и умри!» И встал бы, и стоял – до последнего снаряда, до самой смерти. Но в 1945-м никто бы не стал

рисковать ни необстрелянным «мамлеем», как в войсках иронично называли младших лейтенантов, ни тем более двумя противотанковыми пушками.

Зато впереди у 52-й гвардейской дивизии и лично у гвардии младшего лейтенанта Дроздова были иные бои, причём гораздо более тяжёлые, потому как сопротивление гитлеровцев постоянно нарастало. Недаром поётся в известной песне: «Последний бой – он трудный самый». К этому последнему бою следовало готовиться самым тщательным образом, и так получилось, что Юрию вновь пришлось учиться, а не воевать, как он совсем уже было собрался...

Генерал-лейтенант Георгий Гаврилович Семёнов, бывший в годы войны начальником оперативного отдела 3-й Ударной армии, писал в мемуарах:

«Третью ударную вывели в резерв фронта... 23-я и 52-я стрелковые дивизии 12-го гвардейского корпуса заняли оборону по восточному берегу Одера на участке протяжённостью 30 километров: от Нидер-Кренина до Альт-Рюдница. Все остальные соединения находились в тылу, приводили себя в порядок после боёв в Померании, принимали пополнение, занимались боевой учёбой.

Активных действий армия пока не вела. Штабные офицеры, разумеется, пытались определить наши перспективы, предусмотреть дальнейший ход событий. Если нам прикажут наступать строго на запад, то армия, форсировав Одер, пройдёт значительно севернее Берлина. Некоторые товарищи вздыхали: жаль, мол, что не придётся самим громить фашистское логово.

Как бы ни развивались события, дальнейший наш путь вперёд лежал через Одер, левый берег которого находился в руках противника. А опыта форсирования крупных водных преград дивизии нашей армии не имели.

Учить войска преодолевать водные преграды при помощи табельных и подручных средств – на этом было сосредоточено основное внимание всех командиров и инженерных начальников. При обучении использовалось всё, что могло держаться на воде, вплоть до брёвен и досок.

Занятия по форсированию водных преград проводились на ближайших озёрах, как правило, в сумерках или на рассвете.

Одновременно командиры соединений и частей, штабы и политорганы уделяли большое внимание тактической подготовке войск. С каждой ротой было проведено по два-три тактических учения. На батальонных учениях с боевой стрельбой отрабатывались вопросы взаимодействия подразделений между собой и с родами войск, а также формы и способы ведения боёв в населённом пункте и в ночных условиях. Командиры полков, офицеры штабов и политработники большую часть времени проводили в подразделениях, обучая солдат, сержантов и младших офицеров»¹⁷.

Можно понять, какие чувства обуревали младшего лейтенанта! Ладно ещё, что вместо боёв – та же поднадоевшая учёба, всё-таки бои будут, это к ним готовятся, но то, что дивизия оказывается на второстепенном направлении, пройдёт «значительно севернее Берлина» – это было по-настоящему обидно. Причём настолько обидно, что Юрий даже заболел – вполне возможно, что именно поэтому, ибо в периоды ожесточённых боёв ни у кого никаких болячек не было (а может, и простудился, пока добирался до фронта) – и угодил в госпиталь. Хотя, по другому варианту развития событий, он был легко ранен – но о том, где и когда, никакой информации не имеется, и сам Дроздов в своей книге этого не уточняет. Так что достоверен лишь один факт: он оказался в госпитале. Обидно, конечно: только приехал в часть, и вот тебе, пожалуйста, сразу на больничную койку!

Но, как известно, никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь. И вот тому в подтверждение фрагмент из книги «Вымысел исключён»:

«Я женат. Мы познакомились уже в конце войны. После освобождения Варшавы в одну из пауз в Висло-Одерской операции 1945 г. (то есть во второй половине января 1945 года. –

А. Б.) я на пару недель оказался в полевом госпитале 3-й Ударной армии, где мы и встретили друг друга.

Моя жена, Людмила Александровна Дроздова (Юденич), моя ровесница, родилась в с. Жихарево Бельского уезда Нелидовской волости Западной (Калининской) области. <...> Ранней голодной весной 1943 г. она пришла в село Займищи Калининской области и поступила в полевой армейский госпиталь и прошла вместе с ним до окраин Берлина»¹⁸.

В общем, познакомились, а вскоре после войны, в поверженном Берлине, Юрий как-то смог отыскать эту красивую девушку и связал с ней свою судьбу до самого конца своей собственной жизни...

Но, повторим, это будет потом, после взятия Берлина, и до того времени ещё следовало дожить, что будет совсем непросто и удастся далеко не каждому.

К сожалению, у многих из нас представление о Великой Отечественной войне достаточно примитивное. Не будем в подробностях обсуждать эту тему, но вот завершающие аккорды войны многим представляются так: доблестные советские войска, подавляя последние очаги сопротивления гитлеровцев, неудержимо движутся к Берлину... И как бы ни сопротивлялись гитлеровцы, уже нет такой силы, которая могла бы противостоять мощной, опытной, прекрасно обученной и оснащённой самыми передовыми оружием и боевой техникой Красной армии. Советский Союз и его вооружённые силы сосредоточили все свои возможности для этого последнего, решительного боя. «Всё для фронта – всё для победы!»

А вот как вспоминал те самые дни победного наступления Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Нестор Дмитриевич Козин, командир 52-й гвардейской стрелковой дивизии, в которой, напомним, служил Дроздов:

«Нашей 3-й ударной армии предстояла задача повернуть на северо-запад и двигаться на Иновроцлав, Бломберг. Это значило, надо пройти ещё не менее 150 километров. (Расстояние от Бломберга до Берлина по прямой – порядка 300 километров. – А. Б.)

Трудностей прибавилось: тылы дивизии растянулись, снабжение горючим и продовольствием ухудшилось. Особо беспокоили нас боеприпасы. Начальник артснабжения майор И. Б. Ласточкин доложил, что дивизия в целом по всем видам не имеет и половины боекомплекта. А ведь мы шли в бой!»¹⁹

Впечатляет? Между тем по кадрам фронтовой кинохроники представляется, что боеприпасов у наших войск в то время было более чем достаточно. И на всех снарядах неизменно писали «По Рейхстагу!» или «Подарок Гитлеру». А тут ещё, оказывается, были проблемы не только со снарядами, но и с продовольствием... И это, между прочим, на том фронте, которым командовал Маршал Победы Жуков, заместитель Верховного главнокомандующего. Что же тогда было на других фронтах?

После относительно небольшой передышки 52-я гвардейская дивизия вновь вошла в боевое соприкосновение с противником.

О том, как воевал в то время гвардии младший лейтенант Юрий Дроздов, мы ничего пока что говорить не можем, потому как не знаем и додумывать не станем, зато в воспоминаниях ветерана дивизии, командира одного из её полков гвардии полковника Гавриила Григорьевича Пантюхова есть конкретный рассказ о боевых действиях 57-го оиптдн (таково официальное сокращение названия «отдельный истребительный противотанковый дивизион»), того самого, в котором служил наш герой.

«Утром 1 марта сотни орудий открыли стрельбу, разорвав плотный, влажный воздух...

На позиции батальона гвардии майора В. М. Малютина надвигались сразу десять танков и самоходных орудий с двумя ротами пехоты. Подойди они беспрепятственно к цепям гвардейцев, спешно окопавшихся на окраине населённого пункта, батальон был бы смят. Но машины и пехоту противника ещё на дальних подступах встретила своим огнём дивизионная артиллерия, а когда они всё-таки приблизились к позициям, прогремели выстрелы приданного полку 57-го

истребительно-противотанкового дивизиона. Батарея, которой командовал гвардии лейтенант М. Д. Бондарь, вела огонь прямой наводкой, подпустив танки и самоходки на расстояние 300–400 метров. Стрелять так было опасней, но зато орудия били наверняка. Три орудия, у панорамы которых стояли командир огневого взвода гвардии старший сержант В. А. Гук, наводчик И. Е. Курочкин, наводчик гвардии младший сержант С. И. Игнатьев, с первого выстрела попали в цель. Сразу три машины вышли из строя.

Батальон ружейно-пулемётным огнём отсекал пехоту от танков и самоходок, и, когда ещё две машины были подбиты, она отхлынула от населённого пункта»²⁰.

Видимо, и у Дроздова примерно так было – конечно, на другом участке и с каким-то своим вариантом развития событий.

Следующий бой, в котором участвовал 57-й гвардейский дивизион, произошёл через неделю, 7 марта (впрочем, может быть, и ещё что-то случилось, а мы просто не знаем), – это взятие польского города Голеньов, и о том вспоминал командир дивизии:

«После короткой 15-минутной артподготовки стрелковые подразделения в сопровождении танковых частей, используя обходной манёвр, перешли в наступление: 33-я дивизия – с северо-востока, 52-я – с юго-запада. 10-я танковая дивизия СС и дивизия “Бервальде” оказывали упорное сопротивление. После повторного артралёта, действий орудий прямой наводкой и огня танков с места по вновь выявленным огневым вражеским точкам к исходу дня мы штурмом овладели городом. Остатки разгромленного врага были отброшены на юго-запад.

При штурме города смелость и решительность проявили многие подразделения дивизии. <...> 57-й гвардейский отдельный истребительно-противотанковый дивизион Н. В. Позднякова подбил танк, две бронемашин и подавил два тяжёлых пулемёта»²¹.

Вполне возможно, что Юрий в этом бою участвовал.

Но всё это происходило как бы по дороге, по ходу развития событий, в преддверии того самого главного боя, которого ждали все в наших войсках – от солдат до маршалов.

Та страна, в которой теперь оказался Дроздов, не слишком походила на виденную им в Энгельсе «Малую Германию». Не только потому, что патриархальная старина неизбежно уходила в прошлое, уступая место современной архитектуре, но и, главное, потому, что война, возвратившаяся на немецкую территорию, откуда она в своё время пришла, изуродовала всё вокруг. Руины здешних населённых пунктов не очень-то отличались от руин польских, белорусских, украинских, русских и прочих городов... В руины превращалась и столица Германии, в направлении которой двигались войска Красной армии, несущие неотвратимое возмездие.

Понятно, что к штурму Берлина готовилось не только советское, но и гитлеровское командование, максимально усиливавшее группировку своих войск на этом главном, теперь уже последнем направлении войны. Если в Первую мировую главным для Германии был, безусловно, Западный фронт, где сражались английские и французские войска, то теперь «полюса» однозначно поменялись, и Западный фронт, против которого во Второй мировой войне действовали англо-американцы, немцами просто-таки обнажался. Открывая чуть ли не беспрепятственный путь для союзников, немецко-фашистское командование перебрасывало оттуда войска на свой Восточный фронт, на защиту Берлина. Сюда же стягивались последние оставшиеся части и соединения из внутренних районов Германии. Численность этих войск увеличивалась за счёт «тотальной мобилизации», когда на военную службу призывались немцы в возрасте от шестнадцати до шестидесяти пяти лет.

Советские артисты-куплетисты, выступая перед бойцами, пели по этому поводу: «Мой любимый старый дед в шлем тотально был одет». Это казалось смешно, но в действительности ничего смешного тут не было: и старый ветеран Первой мировой с пулемётом «MG», и четырнадцатилетний мальчишка из гитлерюгенда с фаустпатроном – все они представляли реальную опасность, потому как каждый из них неминуемо утащил бы с собой на тот свет сколько-нибудь советских солдат.

В результате всех этих лихорадочных мер фюреру удалось сосредоточить в Берлине и его окрестностях до миллиона солдат и офицеров, 10 400 орудий и миномётов, 1500 танков и штурмовых орудий и три миллиона фаустпатронов. В воздух над столицей доживавшего свои последние дни «тысячелетнего рейха» могли подняться 3300 боевых самолётов. На подступах к Берлину была создана мощная система оборонительных рубежей общей глубиной до 90 километров.

В штабах между тем шла своя работа, в результате которой неоднократно менялись и корректировались недавно ещё столь тщательно составленные планы. Вот так, вдруг, и получилось, что 3-я Ударная армия получила задачу наносить удар по Берлину.

«Основная роль в овладении Берлином отводилась 1-му Белорусскому фронту, которым командовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

В составе войск 1-го Белорусского фронта к участию в Берлинской операции готовилась и 3-я ударная армия, в которую входили 12-й гвардейский, 7-й и 79-й стрелковые корпуса. Находясь на направлении главного удара фронта, в первом его эшелоне, она получила задачу прорвать оборону противника на участке Золиканте, Форстаккер, разгромить противостоящие части противника и, развивая удар в общем направлении Нейтреббин, Мецдорф, Бернау, Биркенвердер, к исходу третьего дня операции овладеть рубежом Альбертсхоф, Таерфельде, Леме. В дальнейшем наступать в обход Берлина с севера в направлении Бернау, Глиникке, Ней-Дебериц и на восьмой день операции овладеть районом Хеннигсдорф, Фарланд, Гатов, Шпандау, расположенным западнее Берлина. Справа наступала 47-я армия, слева – 5-я ударная армия.

3-й ударной армии противостояли 309-я пехотная дивизия, части дивизии “Курмарк”, 25-я моторизованная дивизия и мехдивизия “Мюнхенберг”. Всего противник здесь сосредоточил до 1640 орудий и миномётов, более 100 танков и самоходных установок и около 600 пулемётов.

Для выполнения поставленной задачи командующий армией решил прорыв обороны противника осуществить на участке 6 км силами 79-го и 12-го гвардейского стрелковых корпусов, нанося главный удар в центре полосы наступления в направлении Нейтреббин, Мецдорф, Бернау.

79-му и 12-му гвардейскому стрелковым корпусам ставилась задача прорвать оборону противника на участке Золиканте, Форстаккер, разгромить противостоящие части 309-й пехотной и 25-й моторизованной дивизий противника, к исходу дня овладеть второй полосой его обороны и обеспечить ввод в прорыв 9-го гвардейского танкового корпуса 2-й гвардейской танковой армии»²².

Простите за эту длинную цитату из книги по истории 3-й Ударной армии, но она здесь отнюдь не случайна именно в таком объёме. Только представьте: громады войск и огромное количество вооружения с обеих сторон, добрый десяток каких-то совершенно незнакомых населённых пунктов, постоянно меняющиеся боевые планы – и посреди всего этого находится гвардии младший лейтенант, известный лишь своему непосредственному начальству, десятку подчинённых, то есть двум своим артиллерийским расчётам, и несколькими боевыми товарищам. Словно бы песчинка на берегу стремительно текущей реки. Чьё-то неверное движение, резкий порыв ветра – и где она? Кто вспомнит? Разве что девушка Люда из военного госпиталя? Но и она долго ли будет думать про мелькнувшего и невесть куда сгинувшего молодого офицера, пусть даже и очень симпатичного? Война давно отучила людей заикливаться на потерях. «Да, был – больше нету... Жаль!» Всё! Забыли. Как в той песне: «Живём случайно, расстаёмся, не скорбя...»

Но кто тогда думал о себе, что именно он будет убит в том самом завершающем бою? И вообще многим наивно верилось, что штурм Берлина станет самой последней битвой на Земле, а потом они будут иметь счастье долго-долго жить в мирном мире.

Разумеется, высшее командование Красной армии относилось к происходящему гораздо более реалистично. Маршал Жуков вспоминал:

«В целом проведённая работа по подготовке Берлинской операции была невиданной по своему размаху и напряжению. На сравнительно узком участке 1-го Белорусского фронта за короткое время было сосредоточено 77 стрелковых дивизий, 3155 танков и самоходных орудий, 14 628 орудий и миномётов и 1531 установка реактивной артиллерии. Мы были уверены в том, что с этими средствами и силами наши войска разгромят противника в самый короткий срок»²³.

Из этих 14 628 орудий два ствола – причём на общем фоне из числа самых маленьких по своему калибру – составляли взвод гвардии младшего лейтенанта Дроздова. Ему тогда было поручено восемь метров фронта: чтобы надёжно подавить оборону гитлеровцев, на участке прорыва создавалась плотность 266 орудий и миномётов на километр. Подсчитать несложно: порядка четырёх метров на одно орудие, восемь метров – на противотанковый взвод.

Хотя понятно, что на самом деле всё было совершенно не так, никто там пушки и гаубицы в ряд не ставил. Огромные дальнобойные орудия находились далеко за линией фронта, и пехота вспоминала о дальнобойщиках лишь тогда, когда слышала, как шелестят, пролетая в вышине, крупнокалиберные снаряды, именуемые «чемоданами»; противотанкисты же, напротив, стояли перед пехотой, воистину закрывали её собой – «ствол длинный, а жизнь короткая».

Впереди был самый трудный, самый поганый вид боя – бой в городе. Генерал-майор Козин вспоминал то, что видел своими глазами (нередко случается так, что мемуаристы вспоминают то, что видели другие):

«Вражеская столица была хорошо подготовлена к обороне. Каждый квартал, каждый дом, каждый этаж сражался. Стреляло каждое окно. Фашисты не сдавались. У них была большая возможность манёвра, им были известны особенности каждой улицы – подземные ходы сообщения, подвалы, люки.

Вести бой в городе всегда трудно, а тем более в таком, как Берлин, в котором все прочные каменные дома были превращены в крепости с многоэтажными подземными бункерами, подвалами»²⁴.

Про штурм Берлина написано немало. Юрий Иванович Дроздов таких воспоминаний не оставил, и вообще вся «военная» – то есть непосредственно про войну – часть его воспоминаний состоит из двух с половиной предложений:

«Никаких героических подвигов в ходе боевых действий мне совершить не пришлось. Война – это страшная кровавая работа, тяжёлая и безжалостная, и чтобы выжить самому и другим, я просто старался делать её добросовестно, насколько это было возможно младшему лейтенанту в неполные девятнадцать лет. Войну закончил в Берлине...»²⁵

Обрываем фразу, потому как далее – уже о послевоенной службе в рядах Советской армии. Правда, тут можно заметить очевидную неточность: в мае 1945-го Юрию Дроздову было неполных двадцать. Но это, как понимаем, «прокол» редактора его воспоминаний.

52-я гвардейская стрелковая дивизия была введена в наступление на главном направлении 19 апреля и в ходе ожесточённого боя преодолела три оборонительных рубежа. Утром 21 апреля дивизия первой из всех атакующих соединений Красной армии вошла в Берлин. Продолжая наступление, завершившееся 2 мая, она прошла по германской столице порядка двадцати километров, очистив при этом 120 её кварталов.

О том, как сражался в Берлине Дроздов, можно узнать из двух источников. В общих чертах об этом писал командир 52-й гвардейской дивизии:

«При наступлении в Берлине мы применяли тактику действий штурмовыми отрядами и группами (взвод, рота), усиленными артиллерией, танками, САУ, сапёрами, химиками и огне-мётчиками, – вклинивались в расположение противника, расчленили его оборону на куски. Изолировав кварталы и отдельные районы, мы затем овладевали ими. Боевой порядок штурмовых отрядов и групп эшелонировался в глубину с таким расчётом, чтобы действия пехоты под-

держивались танками и самоходно-артиллерийскими установками, а танки охранялись пехотой и поддерживались САУ. Танки и САУ, двигаясь за пехотой, которая овладевала домами, уничтожали огневые точки. Сзади идущая пехота прочёсывала и очищала подвалы, этажи, чердаки зданий»²⁶.

Гвардии младший лейтенант Дроздов обеспечивал артиллерийскую поддержку одной из наступающих групп. Танки и САУ, о которых писал генерал Козин, это, конечно, хорошо, а вот противотанковые орудия тащили по городу их расчёты, устанавливали их на огневые позиции, стреляли – и тащили дальше под непрерывным огнём врага.

Конкретно о действиях Юрия Дроздова можно узнать из второго источника, «наградного листа» – представления на награждение орденом Красной Звезды. Пусть в нём изложено не слишком грамотно, но зато очень чётко:

«В уличных боях по овладению г. Берлин гв. мл. лейтенант проявил себя храбрым и отважным офицером, умело руководящим огнём своего взвода.

25.4.1945 на ул. Шифельбейнер-штрассе г. Берлин, когда с его взвода были выведены [из строя] одновременно 4 бойца, под сильным огнём противника т. Дроздов, лично участвуя, организовал медицинскую помощь раненым и обеспечил эвакуацию в тыл. Несмотря на большой процент выбывших из расчёта, оба орудия продолжали вести огонь по противнику, и при этом его взводом уничтожены 2 75-мм пушки, 1 зенитное орудие, 5 пулемётов вместе с прислугой противника и до 80 солдат противника, что способствовало продвижению нашей пехоты. За проявленные доблесть и отвагу в боях по овладению г. Берлин достоин правительственной награды орденом “Красная звезда”».

Стоит обратить внимание на то, что молодой офицер отнюдь не стремился выполнить поставленную задачу любой ценой, ни с чем не считаясь, но даже и в той адской обстановке сумел позаботиться о своих раненых бойцах. Не всякий командир, скажем честно, поступил бы таким образом – можно было продолжать наступление, не заботясь о судьбе раненых и успокоив свою совесть тем, что их, конечно же, подберут идущие сзади санитары. Командира поощряют за выполнение или наказывают за невыполнение приказа, и вообще, как известно, победителей не судят.

Это качество – заботу о подчинённых – отмечали все те, с кем сводила Юрия Ивановича судьба на протяжении всей его полувековой службы. Мы о том ещё расскажем.

За тот самый бой гвардии младший лейтенант Дроздов был награждён орденом Красной Звезды, а 52-й гвардейской дивизии присвоено почётное звание «Берлинская».

...Говорить о войне генерал-майор Дроздов не любил, «фронтовыми байками» сотрудников не развлекал. Хотя с ветеранами-фронтовиками, которых в Управлении «С» в его время было немало – в том числе и тех людей, что были гораздо выше Юрия Ивановича и по чину, и по должности, да и воевали гораздо дольше, – у начальника были свои отношения, свои разговоры, которые так между ними и оставались. Было тогда этим людям лет по пятьдесят или чуть больше...

Но как-то Дроздов рассказал одному из своих в ту пору молодых сотрудников – спустя годы тот передал этот рассказ нам – о том, что при штурме Берлина оказалось для него самым страшным. Вернее, уже после штурма.

Это был убитый танкист, младший лейтенант, свесившийся из люка своего подбитого танка... Он явно был ровесником Юрия и, скорее всего, так же, как и он, только недавно окончил военное училище и поспешил на фронт...

Лишь тогда, в первый раз за весь этот страшный бой, Дроздов вдруг ощутил ту самую свою смертность, о которой под вражеским огнём совершенно не думалось, зримо представил себе, что он мог бы вот так же лежать сейчас у станины одного из своих разбитых орудий...

Мы ставим точку в этой главе и прощаемся с войной.

Надолго. Но, к сожалению, не навсегда.

Глава 3. Разведчиками не рождаются

В предыдущей главе мы оборвали фразу из воспоминаний Юрия Ивановича о его участии в Великой Отечественной войне на том месте, где он писал о переходе к мирной жизни. Ну что ж, теперь и продолжим оттуда, где остановились:

«...затем служил в Германии и Прибалтийском военном округе помощником начальника штаба артиллерийского полка.

В 1952 г. поступил в Военный институт иностранных языков в Москве. На мандатной комиссии начальник института генерал Ратов спросил меня, какой язык мне хотелось бы изучать. Я ответил: “Немецкий”. Он окинул меня взглядом и бросил: “Подходишь”. Видимо, это определило мою дальнейшую судьбу»²⁷.

Если совершенно точно, то данное военно-учебное заведение называлось ВИИЯКА – Военный институт иностранных языков Красной армии. Этот вуз действительно был уникальным – начиная даже с названия, ибо в то время в РККА были только военные училища – это, так сказать, первая ступень, а второй степеню были военные академии – и никаких институтов! На всякий случай уточним, что третьей степеню была Академия Генштаба, «генеральская кузница», откуда генералы не только выходили в перспективе, но где даже они и учились при своих погонах, но не о том сейчас речь.

ВИИЯКА, употребим эту традиционную аббревиатуру, был создан в 1940 году на основе постановления Совета народных комиссаров СССР, тогдашнего Совмина. Для военно-учебного заведения это было весьма круто, потому как обычно решение о создании таковых самолично принимал нарком обороны. «База», на которой формировался институт, также оказалась весьма необычной: это был Военный факультет – со статусом высшего военно-учебного заведения – при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков. Соответственно, здесь готовили военных педагогов – преподавателей немецкого, английского и французского языков для училищ и академий РККА. Через год, в начале 1941-го, факультет был расширен и переименован в Военный факультет западных языков при 1-м и 2-м МГПИИЯ, то есть сразу при двух Московских педагогических ин-тах.

Затем свои коррективы внесла война, потому как оказалось, что армии необходимы военные переводчики – причём со знанием не только языка «главного противника», каковым на том этапе являлся немецкий, но и многих других. В результате 12 апреля 1942 года теперь уже приказом Народного комиссара обороны СССР – наркомом в ту пору был сам товарищ Иосиф Виссарионович Сталин, являвшийся также и председателем Совнаркома, – Военный факультет западных языков, к которому были присоединены Военный факультет восточных языков, существовавший при Московском институте востоковедения, и военные курсы иностранных языков, действовавшие тогда в городе Орске, был преобразован в самостоятельный Военный институт. За время Великой Отечественной войны ВИИЯКА выпустил более четырёх с половиной тысяч офицеров – переводчиков и так называемых «спецпропагандистов», занимавшихся идеологическим «разложением» войск противника.

В разряд таковых впоследствии должен был попасть и Юрий Иванович Дроздов...

Но до этого было ещё далеко, и вскоре после войны Военный институт – как, разумеется, и все сохранившиеся военно-учебные заведения РККА – был серьёзно реформирован. В 1948 году ВИИЯСА (это было новое название, связанное с переименованием Красной армии в Советскую, однако в обиходе чаще всего говорили просто «ВИЯК») был переведён на пятигодичный срок обучения; каждый слушатель теперь изучал по два языка, тогда как всего языков здесь изучалось много. На любой, так сказать, вкус – ведь было уже понятно, что Вторая мировая окажется далеко не самой последней войной на Земном шаре, а опыт её свидетель-

ствовал о том, что офицеры, владеющие иностранными языками, в армии необходимы как воздух. Общеизвестных «Halt! Hände hoch! Hitler Kaput!»^[7]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.